

ПОРТРЕТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ ЗАЙТУНЫ НАСРЕТДИНОВОЙ

...У железнодорожного моста над рекой приютился почерневший от времени бревенчатый домик с плоской крышей. Вдоль стен кадки с фикусами, окна глядят в мутные темные воды Белой. На дворике среди цветов — грядки с огурцами и помидорами. Зайтуна Агзамовна улыбнулась и почти шепотом сказала: «Ну да! Все осталось по-старому, когда были живы родители. Иные дни, когда мать была особенно чем-нибудь занята, я удирала с отцом — путевым обходчиком. Он учил меня вслушиваться в рельсы и радоваться, когда рождался низкий шум, приближался, колеблясь и превращаясь в гудящий колокольный звон...».

Брат отца, приехавший в отпуск, спросил как-то у Зайтуны:

— Хочешь в Ленинград?

— Да! — пролепетала Зайтуна, не помня себя от радости.

— Я молча улеглась, — рассказывает актриса, — но не могла заснуть.

С бьющимся сердцем, надев лучшее платье из разноцветных лоскутков, я долго бродила по городу. Казалось бы, легко найти дом, где проходили экзамены. Но дом я не нашла, — добродушно смеется актриса. — Горько рыдала весь день.

Назавтра дядя сам повел ее в приемную комиссию хореографического училища. Не сразу приняли хрупкую маленькую девочку. Помогло одно — она была необычайно музыкальна.

— Возвращалась я домой, не чувствуя под собой ног. С чувством неописуемой гордости я заявила: уезжаю учиться.

Бесспорно, без Ленинграда, без хореографического училища Зайтуна не стала бы народной артисткой Советского Союза. Особая значительность города на Неве с его великолепной архитектурой, музеев, театрами, лучшим хореографическим училищем, с замечательным педагогом Вагановой оказали огромное влияние на формирование человека и художника Зайтуны Насретдиновой, приобщая ее к достижению мирового искусства. Уроки превращались в школу поэтики и эстетики. Это была интеллектуальная жизнь, где запрещалось плохое настроение, поощрялась самостоятельность суждений.

Посещая Эрмитаж, симфонические концерты, а в зимние каникулы Пушкин, Петров дворец, Павловск, Зайтуна немела от восторга, увидев не-

ОБРАЗ—
В ТЕБЕ
САМОМ!

подвижную листву в закатных лучах на белой мраморной богине. Гармонии архитектуры дворцов вызывали в ней пьянящее чувство.

— Я забылась, грезила, — рассказывает балерина, — мне хотелось жестом, движением подражать мраморным скульптурам и увиденному на картинах. Так я шла к частаящему искусству. И стоя у станка, я уже стремилась лепить образ. Нас не считали талантами, но все доброе оценивалось выше достоинств, а за дерзкий поступок наказывали меньше, чем требовала вина. Замечания педагогов не ранили, они не просто добивались безупречной техники, а учили понимать совершенство.

24 июня 1941 года на сцене Академического театра оперы и балета имени Кирова первая башкирская балерина должна была танцевать Лизу в «Волшебной флейте» на выпускном спектакле. Началась война. Восемь молодых танцовщиков вернулись в Уфу. И первая постановка балета на башкирской сцене — «Коппелия».

— Работая над образом Сванильды, я воспитывала свой вкус, училась шлифовке и дисциплине, исполнительской манере классического балета. К образу я шла с трудом, не хватало книг по искусству, общения с людьми, того, что окружало в Ленинграде. Как хотелось пожаловаться на свое горе друзьям-наставникам, но они были в осажденном городе.

Молодая актриса не сразу пришла к той отточенности и обобщению образа, чем отличались последующие ее балетные партии. Насретдиновой и ее сверстникам большую помощь оказала замечательная ленинградская педагог Войтович, которая все годы творческой биографии была ее другом.

— ...В 1952 году в Уфу приехала Галина Уланова танцевать Марию в «Бахчисарайском фонтане». В тот вечер зал заполнили труженики села и рабочие нефтеперерабатывающих заводов. Уланова была прекрасна своей проникновенностью. Каким секретом она обладала, мне было неизвестно. Но в тот вечер она открыла мне — Заре — великую тайну искусства. Ее Мария была безупречна.

На протяжении многих лет я жила этим впечатлением. Человеческая личность Улановой и ее самовыражение — это живое воплощение человеческой души. И потому сегодня я требую от артистов башкирского балета раскрытия творческой индивидуальности, способности находить авторский образ в себе самом.

Особенность исполнительской манеры Насретдиновой — прекрасное владение искусством сценического образа. Актриса большой трагедии в балете, умеющая передавать в гуще самые сложные драматические коллизии, она создавала образы Жизели, Одиллии-Одетты, Тао-Хоа, Марии и Заремы, Лауренсии, Царь-девицы, Эсмеральды, Раймонды, Франчески, Китри, обогащая классические партии национальным своеобразием.

Башкирский балет, созданный в 1941 году, своими корнями глубоко уходил в родную почву. И потому национальные образы Насретдиновой — Зайтунгуль, Зухра, Гульнара стали явлением башкирского национального балета.

Зрители Москвы, Лондона, Волгограда, Улан-Батора, Пхеньяна, Кракова, Ташкента не просто видели балерину высокой одухотворенной пластичности, они видели реальные образы, далекие от вымысла.

Тридцать два года протанцевала Насретдинова на сцене. Это почти целая эпоха в истории хореографии башкирского театра. Золотая страница в жизни знаменитой балерины и прекрасная жизнь национального балета. Природный дар, самоотверженный труд и человеческая личность большого художника сделали Насретдинову достоянием многонациональной культуры.

Вот уже десять лет работает Насретдинова как педагог-репетитор с ведущими солистами. И после каждого спектакля она убеждается, что этот вечер — один из этапов дороги, ведущей дальше, в гору...

МУНСОНЭЙ.

Уфа.